

Пост 17-го Тамуза

Пять бедствий в один день

Пять трагических событий произошли 17-го Тамуза.

В этот день были разбиты первые скрижали (Завета), когда Моше спустился с горы Синай и увидел евреев, пляшущих вокруг «золотого тельца», как непосредственно рассказывается в Торе.

В этот день было прекращено принесение постоянных жертвоприношений (*тамид*) в Первом Иерусалимском Храме, после того, как у когенов (осажденных на Храмовой горе вавилонянами) не осталось животных для жертвоприношений.

В этот день в более поздние времена римляне, осаждавшие Иерусалим, разрушили стены города.

В этот день злодей Апустумус сжег Тору, и идол был внесен в Храм.

Следует отметить, что и в эпоху Первого Храма стены Иерусалима, осажденного вавилонянами, были разрушены в Тамузе, но не 17-го, а 9-го числа. Для того, чтобы не перегружать общественный календарь столь частыми постами, наши мудрецы установили в Тамузе лишь один пост – 17-го числа, ибо гибель Второго Храма оказалась большим бедствием для еврейского народа, чем гибель Первого.

17-е Тамуза в пустыне

7-го Сивана, уже после Дарования Торы, Моше вернулся на гору Синай (доступ к которой был все еще запрещен всему народу, предупрежденному об этом до Дарования Торы), чтобы изучить Тору во всех подробностях непосредственно под руководством

Всевышнего и получить скрижали Завета.

Перед тем, как подняться на гору, Моше сказал Израилю: «По истечению сорока дней, в шестом (солнечном) часу я вернусь и принесу вам Тору». Евреи полагали, что день 7-го Сивана, в который Моше поднялся на гору, является одним из сорока, и что Моше имел в виду сорок полных суток, состоящих из дня и (следующей за ним) ночи. Однако, как известно, сутки состоят из ночи и следующего за ней дня. Поэтому день 7-го Сивана, когда Моше поднялся на гору, не мог идти в счет сорока. Евреи этого еще не знали. Полные сорок суток, проведенные Моше на горе, отсчитанные от 7-го Сивана, заканчивались 17-го Тамуза, когда Моше и должен был возвратиться, но евреи полагали, что он обещал вернуться на день раньше.

16-го Тамуза Сатана создал ложные видения, показал евреям мрачные черные образы, из которых следовало, что Моше умер – ведь уже прошли день и час, когда он должен был вернуться. Сатана спросил: «Где ваш учитель Моше?» Евреи ответили: «Он поднялся на Небеса». Сатана возразил: «Но уже прошел шестой час (назначенного дня)!» Евреи не обратили внимания на эти слова. Сатана продолжил: «Он умер!» Евреи снова не обратили внимания на его слова. Тогда он показал им ложное видение – мертвого Моше. Так учит нас Талмуд.

Именно потому, что так велика была вера евреев в Моше – они верили ему больше, чем собственным глазам, – в момент, когда (по их мнению) не исполнилось что-то из того, что он предрек, им показалось, что рушится мир. Их сознание помутилось, и, поскольку их зависимость от Моше была очень сильна, они почувствовали, что не могут просуществовать без него ни часа. В эту смутную минуту, когда никто из евреев не мог здраво мыслить, они пришли к Агарону и сказали: «Сделай нам идола!»

Сделай нам идола

Естественно спросить: как могло случиться, что еврейский народ, своими глазами видевший Всевышнего и совершенные Им чудеса, слышавший Его голос, с такой легкостью предался идолопоклонству?

Как случилось, что весь народ, как один человек, согрешил одинаково, а не разделился на множество групп, каждая из которых имела собственную точку зрения? И почему все колена Леви, без единого исключения, устояло и не согрешило в день, когда не устоял никто другой? Где были Нахшон бен Аминадав и окружающие его люди, где были семьдесят старейшин, удостоившиеся затем дара пророчества? Где были Калев, Ури, Бецалель и другие безупречные праведники? Почему все они также согрешили?

В момент Дарования Торы Всевышний очистил сердца всего народа, так что все евреи приняли Тору «как один человек, как одно сердце». Однако когда народ потребовал сделать «золотого тельца», он уже не был монолитен, а состоял из множества различных групп.

Когда евреи пришли к Агарону и потребовали: «Сделай нам идола», почти все они не имели в виду ничего дурного. Хотя они и не знали, что сделает Агарон, все они хотели внести в его «творение» свою персональную лепту, с тем, чтобы результатом их усилий стало создание такой же могущественной силы, какой был Моше, который разрешал все их проблемы.

Когда в результате колдовства, осуществленного теми в еврейском лагере, кто еще в недавнем прошлом цеплялся за идолопоклонство, появился одушевленный идол, мнения евреев разделились.

Увидев идола, те немногие, кто еще сохранили связь с идолопоклонством, немедленно и полностью вернулись к нему. На них не подействовали даже предупреждения.

Другая группа, более многочисленная, чем предыдущая, состояла из людей, связь которых с идолопоклонством не была полностью разорвана. Однако встреча в Всевышним на горе Синай и совершенные Им чудеса потрясли их до глубины души, и на какое-то время они полностью отказались от идолопоклонства. Теперь, когда идол уже был сделан, они заинтересовались им и смотрели на поклонявшихся ему людей со стороны.

Третья группа состояла из людей, потрясенных ужасным зрелищем идолопоклонства, но занявших нейтральную гражданскую позицию. Они порицали и тех, кто служил идолу, и тех, кто бранил их за это, полагая, что все точки зрения равноправны.

Четвертой была группа праведников в еврейском лагере. Когда они увидели своих братьев, совершающих тяжкий проступок, они пришли в полное отчаяние, ибо не верили, что те в будущем раскаются и вернуться к Всевышнему. Более того – праведникам

трудно было поверить, что даже если грешники и раскаются, Всевышний примет их раскаяние и создаст из этого человеческого материала, как было сказано ранее, «царство священников и святой народ». Они говорили своим братьям: «Отныне вы не братья нам, нет вам теперь пути в общину Всевышнего!»

Несмотря на то, что еврейский народ вовсе не действовал как единое целое в том, что касалось «золотого тельца», Всевышний рассказал Моше о происходящем в еврейском лагере так, как будто все евреи как один предались идолопоклонству. Ведь даже те, кто остались верными Всевышнему и выступили против идолопоклонников – даже они восприняли культ «золотого тельца» как нечто реальное. В противном случае они не пришли бы в такое отчаяние и отнесли бы к своим поклоняющимся «тельцу» братьям как к детям, разбушевавшимся в классе, когда в нем нет учителя. Разве есть в идолопоклонстве что-то настоящее, подлинное, способное изменить мир и отнять святость у того, что действительно свято? Ведь на следующий день должен был вернуться Моше, согрешившие были бы сурово наказаны, а весь остальной народ вернулся бы к нормальной жизни. Более того, стыд за совершенный проступок лишь укрепил бы связь еврейского народа с его Творцом. Почему, в таком случае, те, кто остались верными Всевышнему, пришли в такое отчаяние? Почему они решили, что нет больше надежды спасти народ от идолопоклонства? Несомненно, они тоже отнесли к культу «золотого тельца» как чему-то реальному. Поэтому и сказал Всевышний Моше: «Развратился народ твой!» (Шмот, 32,7)

Именно поэтому когда, спустившись с горы, Моше стал в воротах лагеря и сказал: «Кто за Г-спода – ко мне!» – против ожидания, к нему пришли далеко не все, кто отверг идолопоклонство. Вокруг Моше собралось одно лишь колено Леви. Левиты отличались от праведников, входивших в другие колена Израиля только одним: они абсолютно доверяли Моше и готовы были исполнять его указания, даже если бы он назвал черное белым, а белое – черным. Они представляли собой своеобразную армию, хорошо обученную и подготовленную, готовую в любой момент исполнить

приказ командира – и только его. Все остальные праведники, принадлежавшие к другим коленам Израиля, заколебались и сказали: «Неужели Моше в самом деле призывает к себе тех, кто согрешил или даже всего лишь не протестовал против совершенного греха? Неужели с их помощью и при их посредстве он намерен восстановить порядок в лагере? Нет, не нам и не им – после того, что произошло – предстоит построить Храм Всевышнего!» Иными словами, они, пусть на самое короткое время, усомнились в словах Моше, а тот, кто сомневается в словах учителя, спорит с самой Шхиной. Не подобает народу, стоявшему у подножия горы Синай, когда раскрылись все круги Небес, видевшему своими глазами то, чего не видел ни до них, ни после них никто и никогда – не подобает ему придавать значение проявлению идолопоклонства, относиться к идолу как чему-то реальному и полагать, что то, что произошло в лагере, может бесповоротно развратить еврейский народ – до такой степени, что пути обратно ему не будет.

Восстановление порядка

Что сделал Моше, вернувшись? Он собрал свое колено и судил всех тех, кто сознательно предался идолопоклонству. Все виновные были наказаны. Они были подвергнуты одной из трех казней. Те, кто были заблаговременно предупреждены о том, что идолопоклонство наказывается смертной казнью – при условии, что нашлись и дали исчерпывающие показания предупреждавшие их свидетели – были убиты мечом, как предписывает Тора наказывать жителей Ир ганидахат («Отверженного города»). Те, чье идолопоклонство было засвидетельствовано, но кто не был предупрежден, умерли от эпидемии, посланной Всевышним (ибо, согласно закону Торы, смертной казнью по постановлению земного суда может быть наказан лишь тот, кто был своевременно предупрежден). Те, чье идолопоклонство не было засвидетельствовано (и кто не был предупрежден), были подвергнуты испытанию особой водой (так же, как испытывают, согласно закону Торы, женщину, заподозренную в супружеской

измене – сома). Животы всех виновных в идолопоклонстве распухли, как только они выпили эту воду, а невинные остались невредимы. Подавляющее большинство евреев остались невредимыми и сохранили абсолютную преданность Всевышнему. В самом деле, после Откровения на горе Синай никакая сила в мире не могла отнять у еврейского народа его святость.

Следует помнить, что число евреев, казненных за поклонение «золотому тельцу», было незначительным. Ведь Тора свидетельствует, что при выходе из Египта число взрослых евреев-мужчин составляло шестьсот тысяч, а когда, всего через три месяца после истории с «золотым тельцом», были пересчитаны серебряные монеты, пожертвованные на строительство Мишкана, оказалось, что число взрослых мужчин (в возрасте старше двадцати лет) выросло до шестисот трех тысяч пятисот пятидесяти. Таким образом, число казненных мужчин было меньшим, чем число (мужчин), достигших двадцатилетнего возраста в течение шести месяцев – между Нисаном и Тишрей, – даже если вычесть из него 3550.

Как были разбиты скрижали

Когда Всевышний вручил Моше скрижали Завета, они были невесомыми (или, иными словами, «сами себя несли»). Но когда Моше спустился с горы, приблизился к лагерю Израиля и увидел «золотого тельца», текст заповедей покинул каменные плиты, на которых он был записан, и скрижали сразу же обрели свою прежнюю тяжесть, которую ощутили руки Моше. Тогда-то и «возгорелся гнев Моше, и бросил он из рук своих скрижали» (Шмот, 32,19).

Мидраш спрашивает: «Каким образом Моше разбил скрижали?» Когда Моше поднялся на гору Синай и, получив из рук Всевышнего скрижали, отправился обратно, он был охвачен великой радостью. Но когда он увидел, что евреи согрешили, он сказал себе: «Передав им скрижали, я обяжу их исполнять заповеди, за нарушение которых положено суровое наказание. Таким образом, я обреку их на смерть перед лицом Всевышнего. Ведь недаром на скрижалях написано: “Да не будет у тебя других богов”». Поэтому Моше немедленно повернул обратно, к горе. Однако старейшины уже увидели его и побежали за ним следом, чтобы отнять у него скрижали. Моше держал скрижали за один край, а старейшины – за другой, однако Моше пересилил всех семьдесят старейшин, как сказано: «И не было более пророка в Израиле, как Моше... по всем знамениям и чудесам... и по руке сильной...» (Дварим, 34,10). Моше посмотрел на скрижали и увидел, что текст заповедей покидает их, – тогда скрижали стали слишком тяжелы и для него, они выпали из его рук и разбились.

По другому мнению, он не разбивал скрижали до тех пор, пока не услышал из уст Всевышнего слова Торы: «Вытеши себе две скрижали каменные, как прежние, и Я напишу на этих скрижалях слова, которые были на прежних скрижалях, которые ты разбил» (Шмот, 34,1). Только когда он услышал эти слова (то есть удостоился одобрения этого поступка Всевышним), он разбил скрижали.

Поступок Моше сравнивают с историей царя, решившего жениться, написавшего ктубу (брачный контракт) для своей невесты и передавшего этот документ своему послу. Как поступил посол, когда через несколько дней о невесте царя стали распространяться недобрые слухи? Он разорвал ктубу, сказав себе: «Если этой женщине придется предстать перед судом, пусть лучше ее судят как незамужнюю женщину». Именно так и поступил Моше. Он сказал: «Если я не разобью скрижали – Израилю не выдержать суда Всевышнего, который сказал: “Тот, кто приносит жертвы богам, кроме одного Г-спода, да будет истреблен” (Шмот, 22,19)». Что же он сделал? Разбил их и сказал Всевышнему: «Пусть лучше они (евреи) не знают, что на них написано».

Путь раскаяния

Поколение евреев, вышедших из Египта, не заслуживало испытания, выпавшего на его долю (истории с «золотым тельцом»), ибо это было самое лучшее, самое достойное из всех поколений еврейского народа. То же самое можно сказать и о других важнейших грехах этого поколения – грехе мераглим (разведчиков), грехе «недовольных» (жаловавшихся на условия жизни в пустыне), грехе Кораха и его общины, – затронувших почти весь народ. Почему Всевышний, устанавливающий причинно-следственные связи в мире, сделал так, что все эти серьезнейшие проступки были совершены первым, поистине превосходнейшим поколением еврейского народа? Дело в том, что Он хотел научить его тшуве, раскаянию, указать ему путь к ней.

Тшува – возвращение к Творцу

Лишь совсем недавно евреи стали народом. Вначале Шхина пребывала среди них, они ели пищу, в буквальном смысле падавшую с Небес, пили воду из шедшего за ними колодца, жили в лагере, окруженном Облаками Славы. Моше и Агарон были их руководителями. Они сознавали, что им предстоит пройти длинный, многотысячелетний путь – до самого конца времен. Этот путь будет нелегким, ведь весь он – череда тяжелых испытаний бедностью и богатством, порабощением и свободой. На этом пути их ждет множество препятствий, столкновение с которыми может стать причиной греха, измены и бунта. Всевышний не хотел, чтобы евреи в трудный час, согрешив, говорили себе: «Мы уже погрязли в грехе, путь тшувы для нас закрыт» – ведь в таком случае они могли полностью отторгнуть себя от Него и погибнуть. Поэтому Всевышний с самого начала сообщил евреям: как бы ни сложились обстоятельства, в каком бы поколении их не постигла беда, даже если они будут заброшены на край света, Он всегда найдет их и вернет к Себе. Ибо ни одно поколение не может согрешить больше, чем согрешило «поколение пустыни» – и все же Всевышний принял его раскаяние и сделал именно его Своим народом.

Наши мудрецы учили в Талмуде (Авода зара, 46): «Рабби Йегошуа бен Леви сказал: “Евреи сделали “золотого тельца”

лишь для того, чтобы те, кто хотели опробовать путь раскаяния,

имели возможность это сделать. Ведь в Торе сказано: “О, если бы сердце их склонно было почитать Меня и соблюдать заповеди Мои все дни” (Дварим, 5,26) – значит, евреи того поколения были неодолимы в своей вере в Всевышнего”».

«Они полностью властвовали над своими помыслами и стремлениями, и злое начало не возобладало бы над ними, если бы Всевышний не дал ему на то силу – силу одолеть их, чтобы открыть им путь раскаяния. Ведь если грешник в будущем скажет: “Я согрешил – и теперь Всевышний не примет меня”, ему ответят: “Вспомни о тех, кто сделал “золотого тельца” и тем самым (как бы) отрекся от Всевышнего. Они раскаялись, и Он принял их раскаяние”».

Так объясняет Раши слова Талмуда.

О том же говорит и пророк Йешаягу: «Давайте же рассудимся, – говорит Г-сподь. – Если были грехи ваши красны, как кармазин, то станут белыми, как снег» (Йешаягу, 1,18). Из всего вышесказанного мы узнаем, каким образом пытается поработить нас злое начало. Вначале оно побуждает нас грешить, а затем, когда уже погрязший в грехе человек пытается вернуться к Всевышнему, оно говорит ему: «Даже если ты раскаешься – твое раскаяние не будет принято». Именно против этого довода злого начала и выступает пророк, именно его он и опровергает: «Даже если были грехи ваши красны, как кармазин, то (в случае полного раскаяния) станут белыми, как снег».

Прекращение постоянных жертвоприношений

Во время осады Иерусалима вавилонянами, завершившейся гибелью Первого Храма, 9-го Тамуза стены города были разрушены и враги ворвались в город. Однако враги не смогли проникнуть на Храмовую Гору, где укрепились когены. Когены продолжали совершать установленные виды служения вплоть до 7-го Ава,

однако жертвенные животные иссякли уже 13-го Тамуза – ведь, согласно традиции, в Храмовом дворе всегда находились тщательно отобранные животные, не имевшие запрещенных физических изъянов, делавших их непригодными для жертвоприношения, в количестве, необходимом для всех храмовых нужд на четыре дня. Начиная с 13-го Тамуза когенам удавалось подкупить осаждавших Храмовую гору солдат, и те – за очень высокую цену золотом и серебром – вплоть до 17-го Тамуза поставляли Храму овец. Об этом нам рассказывает Иерусалимский Талмуд (в Трактате Таанит). Аналогичное развитие событий имело место и во время осады Храмовой горы римлянами, ставшей причиной гибели Второго Храма.

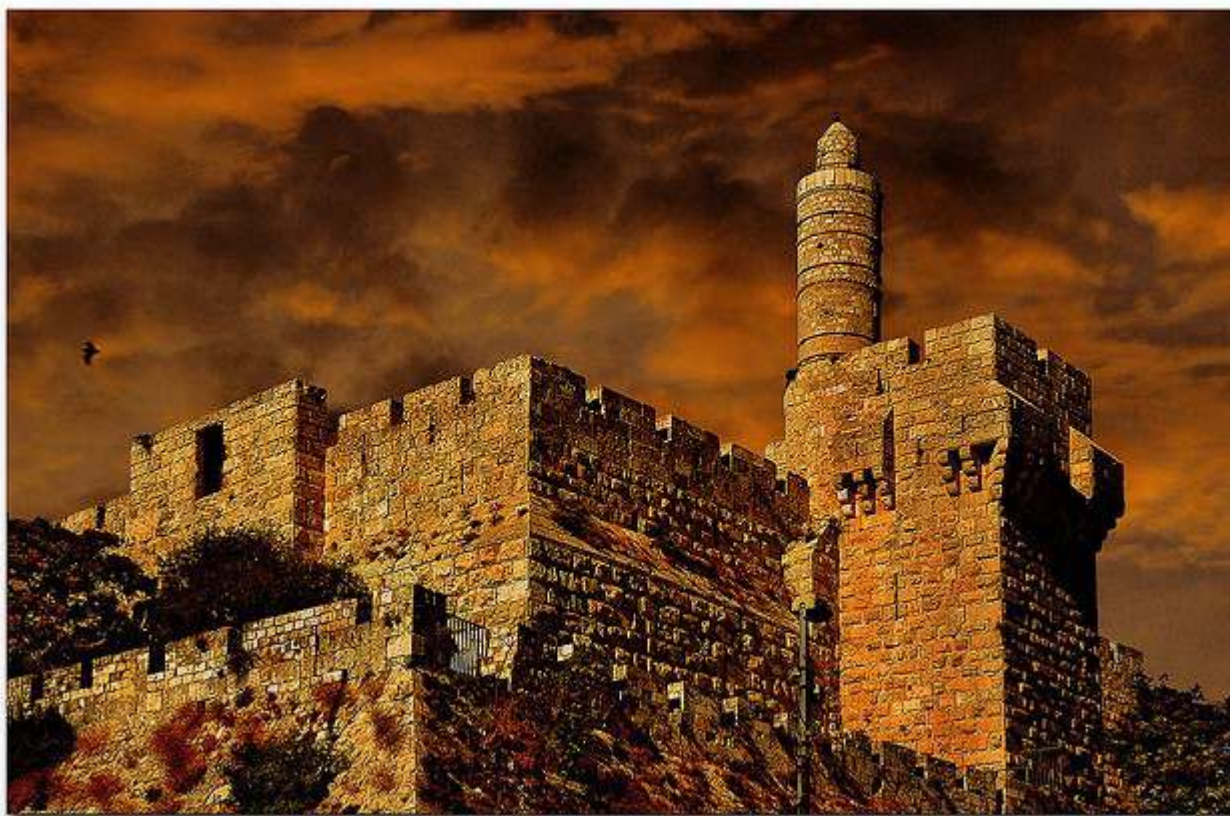

Рабби Симон рассказывал от имени рабби Йегошуа бен Леви: «В те времена когены передавали осаждающим две меры золота, а те передавали им двух овец. Однажды когены передали ежедневные две меры золота, но взамен получили двух козлят (которые не

могут быть использованы для Тамида – постоянного или ежедневного – жертвоприношения). В тот час Всевышний раскрыл глаза когенов, и они нашли в загоне на Храмовой горе двух овец. Этот случай и зафиксировал рабби Йегуда бен Ава, засвидетельствовавший, что однажды утренний Таמיד был принесен в жертву в четыре часа».

Рабби Леви сказал: «Во время осады Храмовой горы злодеями-римлянами когены передавали им ежедневно две меры золота (как плату за овец). В последний день они передали им золото, а взамен римляне стали поднимать на стену двух свиней (вместо овец). Но не успели римляне поднять свиней и на половину высоты стены, как те впились лапами в стену, после чего их отбросило (неведомой силой) за сорок парсот (много десятков километров) от Иерусалима».

Разрушение стен Иерусалима

Старый Город

Во времена осады Иерусалима римлянами, завершившейся гибелью Второго Храма, стены города были пробиты 17-го Тамуза, после чего Тит и его войска ворвались в него. Об осаде Иерусалима вавилонянами во времена царя Цидкиягу в Писании сказано следующее: «В четвертый месяц, в девятый день месяца, голод в городе усилился и не стало хлеба для народа страны. И проломлена была стена города, и все воины разбежались, и вышли ночью из города через ворота» (Йирмеягу, 52,6).

В Иерусалимском Талмуде (в Трактате Таанит) сказано, что и во времена Цидкиягу стены Иерусалима были пробиты 17-го Тамуза, однако тяжкие лишения, которые претерпели жители города, привели к тому, что их календарные расчеты были нарушены, и они ошибочно полагали, что это событие произошло 9-го Тамуза.

Таким образом, хотя Всевышний и Его пророк знали правильную дату, Он повелел Йирмеягу написать в своей книге «9-е Тамуза», дату, которая была известна народу, чтобы показать, что и Всевышний разделяет с народом его беду – как будто и Его календарные расчеты были нарушены, что, разумеется, невозможно даже помыслить.

В Иерусалимском Талмуде об этом сказано следующее: «Царь сидел на троне и производил расчеты. К нему вошли и сообщили: “Твой сын попал в плен к врагам! Его расчеты нарушены!” Царь ответил: “В таком случае я сделаю его расчеты своими”».

Тосфот писали: «Из-за выпавших на долю жителей Иерусалима бедствий они ошиблись в своих календарных расчетах. Всевышний не хотел, чтобы Писание отражало иные расчеты, чем те, которые жители Иерусалима полагали правильными».

Как Апустумус сжег Тору

Это событие упомянуто в Мишне (Таанит, гл.4), однако древнейшие источники не сообщают его подробностей. В Иерусалимском Талмуде сказано лишь: «Где он ее сжег? Рав Аха

сказал: “На дороге в Луд”. Мудрецы сказали: “На дороге в Тарлусу”».

Комментаторы более поздних времен полагают, что это событие относится к эпохе римского наместника Коменуса, и произошло оно за шестнадцать лет до Великого восстания против римлян. В это время войска наместника совершали провокации против евреев и еврейских святынь, что приводило к серьезным возмущениям, которые потом постепенно затихали. Иосиф Флавий пишет об этих событиях следующее:

«После этого бедствия (речь идет об убийстве римлянами приблизительно десяти тысяч человек в ходе беспорядков, ими же инспирированных), началось новое возмущение, вызванное грабежом, происшедшим на царской дороге неподалеку от Бейт-Хорона. Грабители напали на кортеж Стефануса, одного из назначенных императором официальных лиц, и полностью его разграбили. Коменус послал отряд воинов в деревни, находившиеся неподалеку от места, где произошел грабеж, и приказал арестовать всех их жителей и привести к нему, так как считал их виновными хотя бы в том, что они не преследовали грабителей и не пытались их схватить. Некий римский солдат захватил в одной из деревень священный свиток Торы, разорвал его и бросил в огонь... Евреи собрались со всех сторон в ужасе, как если бы вся их страна была поражена огнем. Как только им стало известно, что произошло, они – как стрелы, выпущенные из лука – в своей великой ревности помчались в Кейсарию к Коменусу и подали ему жалобу, требуя сурово наказать виновного в осквернении Торы и оскорблении Всевышнего. Наместник понял, что народные волнения не прекратятся до тех пор, пока он не умилоstit евреев. Поэтому он приказал доставить к нему того солдата и повесил его на виселице на глазах у всех тех, кто пришел к нему с жалобой. Тогда евреи вернулись в свои города».

Бейт-Хорон находится на дороге, ведущей из Луда в Иерусалим, поэтому это место соответствует той из версий, предлагаемых Иерусалимским Талмудом, которая утверждает, что сожжение Торы произошло «на дороге в Луд».

Если данное предположение верно, это событие произошло 17-го Тамуза за несколько лет до разрушения Второго Храма. Имя «Стефанус» было по какой-то причине заменено именем «Апустумус». Такие замены имен были весьма часты, и у нас немало тому примеров.

Согласно другому мнению, сожжение Торы, упомянутое в Талмуде, было произведено греко-сирийским царем Антиохом Эпифаном, о котором, равно как и об окружающих его людях, сказано: «А свитки Торы, которые они находили, они разрывали и бросали в огонь». Впрочем, существуют и другие предположения.

Идол, внесенный в Храм

Существует предположение, что и это злодеяние (упомянутое в Талмуде) было совершено Апустумусом в тот же самый день, 17-го Тамуза. Согласно другому мнению, речь идет об идоле, изготовленном и внесенном в Храм царем Иудеи Менаше. В любом случае, и это событие произошло 17-го Тамуза.